

Научная статья

УДК: 343.1

DOI: 10.55001/2587-9820.2024.81.87.003

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ОБВИНЕНИЕ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

Мария Михайловна Бондарь

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация,
bondar02082014@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа доктринальных представлений об уголовно-процессуальных функциях в уголовном судопроизводстве, сопоставления дефинитивных норм в статье 5 УПК РФ автор отрицает тождественность функций «уголовное преследование» и «обвинение» и категорий, их обозначающих. Критикуется позиция законодателя, формулирующего в п. 45 ст. 5 УПК РФ определение сторон процесса, где обе категории используются как синонимы. Автор приводит доводы, обосновывающие различные сферы применения указанных категорий в тексте уголовно-процессуального закона. С точки зрения механизма реализации принципа состязательности сторон категория «обвинение» означает основную уголовно-процессуальную функцию, поэтому сферу употребления указанного термина следует называть «функционально-состязательной». В контексте п. 22 ст. 5 УПК РФ содержание обвинения гораздо уже, чем термина «уголовное преследование». В таком употреблении обвинение выступает компонентом структуры более сложной и широкой по средствам, формам и срокам осуществления уголовно-процессуальной деятельности – «уголовного преследования», имеющего все признаки уголовно-процессуальной функции. Предлагается называть указанную сферу употребления термина «обвинение» «функционально-структурной», отражающей структуру уголовного преследования как уголовно-процессуальной функции.

Ключевые слова: уголовное преследование, обвинение, уголовно-процессуальные функции, принцип состязательности сторон, функциональная модель состязательности

Для цитирования: Бондарь, М. М. Уголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 30. № 2. С. 25–38. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.81.87.003

CRIMINAL PROSECUTION AND ACCUSATION IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURE FUNCTIONS

Mariya M. Bondar

Volgograd Academy of the MIA of Russia, Volgograd, Russian Federation,
bondar02082014@yandex.ru

Abstract. Taking into account the analysis of doctrinal ideas on criminal procedure functions in the criminal proceedings, the comparison of definitive norms in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the author of the given article denies the identity of the functions «criminal prosecution» and «accusation» as well as the categories that specify them. The author also criticizes the

position of the legislator who formulates the definition of the parties to the process in paragraph 45 of Art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation where both these categories are said to be synonyms. The author of the article provides arguments justifying the various areas of applying these categories in the text of the criminal procedure law. From the point of view of the mechanism of implementing the principle of adversarial parties the category «accusation» means the main criminal procedure function, therefore the sphere of using this term should be called «functional adversarial one». In the context of paragraph 22 of Art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the content «accusation» is said to be much narrower than the term «criminal prosecution». In such context the accusation is said to be as a component of a structure that is more complex and broader one in terms of means, forms and duration of criminal procedure activities, that is «criminal prosecution» which has all the features of a criminal procedure function. The author of the article offers to name this sphere of use of the term «accusation» as «functional-structural one» that reflects the structure of the criminal prosecution as a criminal procedure function.

Keywords: criminal prosecution, accusation, criminal procedure functions, adversarial principle of the parties, functional model of adversarial behavior

For citation: Bondar', M. M. Uголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций [Criminal prosecution and accusation in the system of criminal procedure functions]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow*. 2024, vol. 30, no. 2, pp. 25–38 (in Russ.). DOI: 10.55001/2587-9820.2024.81.87.003

Введение

В советской уголовно-процессуальной науке с середины XX века и вплоть до начала современной правовой реформы одной из привлекательнейших с дискуссионных позиций тем была проблема уголовно-процессуальных функций вообще и уголовного преследования в частности [1, с. 52–56]. Ее актуальность в настоящее время не снизилась, о чем свидетельствуют регулярно публикуемые работы на эту тему – как в формате результатов фундаментальных исследований, так и в формате прикладных изысканий. Несмотря на разработанность проблематики, наличие большого количества подходов, применяемых для ее исследования в рамках различных научных школ, до сих пор не снято логическое противоречие в части соотношения категорий «обвинение» и «уголовное преследование», заложенное российским законодателем в дефинитивных

нормах ст. 5 УПК РФ¹. Попытке разрешить это противоречие и посвящена данная статья.

Основная часть

В классическом учебнике колледжника МГУ «Курс уголовного процесса» под редакцией Л. В. Головки [2] описывается научный спор между корифеями советского уголовного процесса: М. С. Строговичем, который воспринимал начало уголовного преследования с момента появления в поле зрения компетентных органов лица, предположительно совершившего преступление и получившего в связи с этим статус подозреваемого или обвиняемого [3, с. 59–65], и М. А. Чельцовым [4, с. 348], утверждавшим, что уголовное преследование не обязательно носит

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.03.2024).

персонифицированный характер и может вестись для установления неопределенного лица, в связи с этим оно начинается с момента возбуждения уголовного дела – вне зависимости от его возбуждения в формате *in rem* или *in personam*².

Непосредственное обращение к учебнику М. А. Чельцова показывает, что он не считает «неизвестность личности совершившего преступление человека» препятствием к «возбуждению уголовного преследования». В этом случае одной из первых задач преследования будет обнаружение предполагаемого виновника преступления» [4, с. 439]. Хотя при этом он и не отрицает «в высокой степени личный характер уголовного преследования» [4, с. 217], под которым в его концепции понимается непосредственное участие уголовно преследуемого лица в процессуальных действиях, которое выступает действенным способом защиты его интересов в уголовном деле.

В позиции М. А. Чельцова по проблеме соотношения терминов «уголовное преследование» и «обвинение» мы видим взвешенный подход, который соответствует нашему пониманию корреляции данных категорий: «Понятие уголовного преследования, таким образом, шире понятия уголовного обвинения» [5, с. 89].

Однако не все ученые разделяли вышеизложенные взгляды М. А. Чельцова. В частности, Р. Д. Рахунов выступал за персонифицированный характер уголовного преследования, полагая, что эту деятельность нельзя осуществлять в отношении неустановленных лиц [6, с. 25]. Сходную позицию можно обнаружить в работах, например, А. С. Кукарова того периода [7, с. 106–107]. И по утверждению Р. В. Мазюка, именно точка зрения М. С. Строговича была в науке в тот период доминирующей [8, с. 56].

Параллельно с описанной нами выше дискуссией бурно обсуждался

не менее сложный для уголовно-процессуальной науки вопрос об уголовно-процессуальных функциях. Широкий экскурс в эту проблематику представлен в ряде работ, где приводится подробный анализ высказанных учеными позиций [9; 10; 11; 12; 13], в связи с чем мы повторять этот анализ не будем, а только отразим наиболее распространенные точки зрения по вопросу о понятии уголовно-процессуальной функции:

«1) функция – это основная установленная законом обязанность, в которой проявляется главное назначение, роль каждого участника процесса;

2) функция – это отдельный вид или направление уголовно-процессуальной деятельности, ее часть или круг деятельности одного или нескольких участников;

3) функция – это модель деятельности, ее направление, а не сама деятельность;

4) функция – это не вид и не само направление уголовно-процессуальной деятельности, а выраженные в направлениях этой деятельности назначение и роль участников процесса независимо от того, в каких именно стадиях и в какой последовательности они находят свое осуществление» [14, с. 35–36].

Проведя этимологический анализ данной категории на основе сравнения толкований слова «функция» в словарях русского языка, Е. Н. Гринюк пришла к верному, на наш взгляд, заключению, что «традиционным в русском языке является употребление термина «функция» в двух аспектах: 1) обязанность, круг деятельности, подлежащая исполнению работа; 2) назначение, роль. Оба варианта имеют особые смысловые оттенки. В первом случае подразумевается пассивно-вынужденный аспект (субъект обязан выполнить что-либо). Во втором случае имеется в виду большая свобода действий субъекта, наделенного определенными функциями, и речь идет о предназначении субъекта в системе определенных отношений» [15, с. 47].

² «по факту» или «в отношении конкретного субъекта».

По указанной причине данный автор считает «назначение и роль» более подходящими для определения уголовно-процессуальной функции.

Согласимся со мнением одного из авторов процитированной выше монографии, Е. А. Зайцевой, что «под функциями в уголовном судопроизводстве, исходя из идейных основ, заложенных в содержании ст. 15 УПК РФ, необходимо понимать отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности, в которых участники уголовного процесса реализуют свое назначение согласно их правовому статусу, закрепленному в законе» [16, с. 254].

При этом мы должны отдавать себе отчет в том, что представленная в ст. 15 УПК РФ функциональная модель носит условный характер, т. к. она справедлива только для такого построения уголовно-процессуальных отношений, в которых реально соблюдены все условия реализации принципа состязательности сторон, где применяется называемый А. В. Смирновым «арбитражным» метод правового регулирования трехсубъектных правоотношений [17, с. 20–21] с лидирующим субъектом – судом – во главе всей системы взаимодействующих субъектов. Функциональная модель построения уголовного судопроизводства, происходящая из содержания ст. 15 УПК РФ, по своей сути – нормативная абстракция, зачастую весьма далекая от действительности. А в реальной жизни, как тонко подмечает А. В. Смирнов, происходит смешение состязательного и розыскного начал, и не только на уровне функций – но и на уровне принципов: расследование, где состязательные функции недостаточно дифференцированы, а уголовный преследователь совмещает выполнение обвинительных задач с некоторыми полномочиями судебного характера (здесь и далее курсив наш – М. Б.), нельзя считать насквозь розыскным, если там обеспечивается формальная защита, действует презумпция невиновности, уважаются права личности [17, с. 7].

Аргументация уважаемого ученого видится нам весьма убедительной, что позволяет в рамках настоящей статьи относиться к функциональной модели состязательности не как к «незыблемому» постулату, а как к достаточно высокой степени научной и нормативной абстракции, которую можно свободно толковать, оперируя теми или иными интерпретациями категорий «уголовно-процессуальная функция», «функция обвинения» и «уголовное преследование».

Итак, прежде всего обращает на себя внимание упоминание в тексте ст. 15 УПК РФ в числе основных уголовно-процессуальных функций термина «обвинение», который законодатель в п. 22 ст. 5 Кодекса определяет как «*утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом*». Что есть в этом контексте слово «утверждение»? *Это итог какой-то уголовно-процессуальной деятельности, которая заложила надежный фундамент из доказательств для формулирования этого утверждения. Обвинение в таком смысле выступает не в роли самостоятельной уголовно-процессуальной функции, а является результатом расследовательской деятельности, в рамках которой лицо, совершившее преступление, устанавливается, изобличается собираемыми доказательствами, ограничивается в противодействии расследованию, обеспечивается комплексом прав против выдвигаемого обвинения, предстает перед судом как потенциальный виновный, подлежащий уголовному наказанию. Смысловая нагрузка термина «обвинение» в ст. 15 и п. 22 ст. 5 УПК РФ различна, потому что сфера употребления этого термина в обеих нормах различна.*

Очень близко к пониманию обвинения (как утверждения) примыкает позиция А. М. Ларина, Э. Б. Мельниковой и В. М. Савицкого, которые определяли обвинение как «*формулирование, обоснование и*

отстаивание следователем и прокурором вывода о совершении определенным лицом преступления» [18, с. 156]. Но в науке (например, Ф.Н. Фаткуллиным) высказывалась и точка зрения на обвинение как на процессуальную деятельность, направленную на изобличение лица и обоснование его уголовной ответственности [19, с. 11].

Е. Б. Мизулина ограничивала содержание обвинения только «деятельностью, осуществляемой указанными в законе лицами, по обоснованию перед судом виновности подсудимого» [20, с. 4], что вполне вписывается в модель деятельности обвинителя в состязательном судебном производстве. Кстати, в подобной манере характеризует не обвинение как таковое, а именно уголовное преследование И. И. Григоренко: «Под уголовным преследованием следует понимать строго регламентированную УПК РФ деятельность прокуроров и иных должностных лиц органов прокуратуры, органов и должностных лиц предварительного расследования и в установленных законом случаях частных лиц по изобличению перед органами правосудия лиц, совершивших преступления, и в обращении к суду требования о признании их виновности и назначении им справедливого наказания» [21, с. 7]. Такое понимание сути анализируемой деятельности значительно сужает поле реализации уголовного преследования, сводит его к акту поддержания государственного обвинения в суде, фактически отождествляет его с государственным обвинением.

Как видим, работы авторов до-реформенного и постреформенного периода новейшей истории России несут в себе одинаковый набор противоречивых выводов о сути уголовного преследования и обвинения, о соотношении этих категорий в нормативной лексике и доктрине. Это может быть обусловлено, в первую очередь, теми нормативными реалиями бытия в законодательном поле анализируемых нами терминов, о ко-

торых упоминал в своем исследовании Р. В. Мазюк [8].

М. С. Строгович в свое время писал, что «в уголовном процессе существуют три основных уголовно-процессуальных функции: 1) обвинение (уголовное преследование), 2) защита и 3) разрешение дела» [22, с. 189]. Ученый не разделял эти две категории: «Таким образом, уголовное преследование – это обвинение как уголовно-процессуальная функция, обвинительная деятельность, т. е. обвинение в первом и втором значении этого понятия. Обвинение как уголовно-процессуальная функция, иными словами, как уголовное преследование – крайне важная деятельность» [22, с. 190]. Безусловно, в тот период, когда в тексте действовавшего уголовно-процессуального закона не содержалось легальной дефиниции категории «обвинение», а сам термин «уголовное преследование» исчез из нормативной лексики отраслевого законодателя, подобные рассуждения имели право на существование. Они логично вписывались в нормативную модель обвинения, которая не содержала того противоречивого, двойственного разъяснения сути категории «обвинение», с которой мы сталкиваемся ныне.

Несколько иначе выглядит соотношение анализируемых категорий в современный период: мы видим, что законодатель в действующем УПК РФ разграничивает уголовное преследование и обвинение, формулируя для каждого термина свое нормативное определение в ст. 5, закрепляющей основные понятия Кодекса. При этом мы отмечаем, что законодатель определяет категорию «уголовное преследование» в п. 5 ст. 5 через словосочетание «процессуальная деятельность», что подразумевает под собой комплекс различных процессуальных действий, протяженных во времени. А обвинение, по замыслу разработчиков УПК РФ, – это только утверждение. Сопоставительный анализ двух легальных дефиниций приводит нас к такому же выводу, который обосновал в своих трудах

М. А. Чельцов: «Понятие уголовного преследования ... шире понятия уголовного обвинения» [5, с. 89], на что мы ранее обратили внимание в данной работе. Такой же точки зрения придерживается ряд современных авторов [23, с. 7; 24, с. 70; 25, с. 8].

Хотя есть и ученые, которые, так же как и М. С. Строгович, полагают, что обвинение и уголовное преследование суть одно и то же. Так, А. О. Машовец пишет: «Функционально структура принципа состязательности представлена взаимосвязанными и взаимообусловленными функциями обвинения (*уголовного преследования*), защиты и разрешения дела» [26, с. 50]. Отождествляет эти категории и В. П. Божьев [27, с. 3]. Подобный взгляд на данные категории можно обнаружить в работах И. Б. Михайловской [28, с. 4], В. М. Бозрова [13, с. 73], Ф. М. Ягофарова [29]. Все три автора высказали суждения о тождественности анализируемых терминов уже в период действия УПК РФ, формулировки которого, по нашему глубокому убеждению, и создают благоприятную почву для таких дискуссий. В частности, обращение к содержанию той же самой ст. 5 УПК РФ показывает непоследовательность разработчиков данного акта в соблюдении таких концептуальных моментов, как «чистота» и «однозначность» терминологии. К слову, в п. 45 этой статьи дается легальное определение сторон в состязательном процессе, которыми называются «участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (*уголовного преследования*) или защиты от обвинения».

И все-таки, продолжая наше исследование, зададимся вопросом: совпадают ли эти понятия, или прав М. А. Чельцов, что категория уголовного преследования шире по объему, чем обвинение? Неоднозначный ответ на этот вопрос находим в одной из фундаментальных работ по данной проблематике – в диссертационном исследовании Д. М. Беровой, где утверждается, что содержание функции обвинения «должно быть макси-

мально широким», что она «пронизывает весь уголовный процесс, являясь его движущей силой, осуществляется на всех его стадиях» [12, с. 13], реализуется в виде отдельных подфункций:

«1) *уголовное преследование*, осуществляемое только в отношении конкретного лица. Начинается с момента появления подозреваемого или даже раньше – при проведении каких-то проверочных действий в отношении конкретного лица;

2) обвинение (в узком смысле слова). Начинается с момента, когда официально сформулировано обвинение в соответствующем процессуальном документе – постановлении о привлечении в качестве обвиняемого на следствии и обвинительного акта на дознании;

3) обоснование ранее предъявленного обвинения. Осуществляется при поддержании обвинения прокурором (или частным обвинителем) в судебных стадиях» [12, с. 13–14].

Данная градация, по нашему глубокому убеждению, несет в себе три спорных момента. Во-первых, мы наблюдаем необоснованное сужение сферы реализации уголовного преследования, которое автор воспринимает только как персонифицированное уголовное преследование; во-вторых, получается, что после привлечения лица в качестве обвиняемого (в ходе реализации второй подфункции) преследование уже не ведется, а ведется обвинение в узком смысле; в-третьих, неудачным видится наименование второй подфункции обвинения также обвинением, хоть и в узком смысле.

Р. В. Мазюк, посвятивший свое диссертационное исследование проблематике института уголовного преследования как совокупности уголовно-процессуальных норм, указывал, что «правовая природа уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве заключается в реализации функции обвинения посредством уголовно-процессуальной деятельности в отношении конкретного лица,

по своим целям и предмету доказывания отличной от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств» [30, с. 14–15]. Из этого утверждения вытекает положение *о нетождественности уголовного преследования и обвинения* (с чем мы полностью согласны), а также вывод о том, что уголовное преследование этим автором не относится к уголовно-процессуальным функциям (это положение вызывает возражение), а считается особым видом уголовно-процессуальной деятельности, выступающим механизмом реализации функции обвинения. Именно такой подход подтолкнул указанного автора к идее исключить из п. 45 ст. 5 УПК РФ (где фактически ставится знак равенства между обвинением и уголовным преследованием как функцией) само упоминание об уголовном преследовании [30, с. 14].

Противоположную по сравнению с Р. В. Мазюком позицию в анализируемой нами дискуссии занимала Е. В. Шишкина, которая формировала свои выводы в контексте концепции М. А. Чельцова, считая «уголовное преследование и обвинение не тождественными, поскольку обвинение является формой уголовного преследования» [25, с. 8]. Она выделила 2 вида функций (основные и дополнительные), отнеся к основному уголовное преследование наряду с защитой от уголовного преследования и судебным разрешением уголовного дела. В отличие от Р. В. Мазюка, она предлагала, наоборот, заменить в нормативной лексике в ч. 2 ст. 15 УПК РФ функцию обвинения на функцию уголовного преследования, а из п. 45 ст. 5 УПК РФ исключить слово «обвинение» [25, с. 8]. Такой взгляд на уголовное преследование как на уголовно-процессуальную функцию мы считаем более правильным, чем отождествление его с обвинением или игнорирование самого статуса уголовного преследования в функциональном построении уголовного процесса.

Специфический взгляд на перечень функций, реализуемых субъек-

тами, осуществляющими досудебное производство, встречаем в диссертации М. Т. Аширбековой, которая выделяет «три уголовно-процессуальные функции: расследование, уголовное преследование и правозащиту», на основе чего предлагает градацию *функционально-предметных видов процессуальной деятельности* (она вводит в научный оборот этот оригинальный термин). К таковым она относит «преследование и правозащиту, которые соотносятся как этапы применения норм материального и процессуального закона: расследование – установление фактической основы дела, а уголовное преследование и правозащита – установление юридической основы дела и постановление правоприменительного акта» [31, с. 17]. Эта идея приводит указанного автора к выводу о том, что «обвинение и уголовное преследование соотносятся как общее и частное: обвинение выступает общим (родовым) понятием, а уголовное преследование (должностное обвинение), частное обвинение и субсидиарное (дополнительное) обвинение – его видами» [31, с. 17].

Таким образом, данный подход М. Т. Аширбековой показывает, что *уголовное преследование осуществляется только ex officio*. Частное обвинение и субсидиарное обвинение уголовным преследованием, согласно концепции М. Т. Аширбековой, не являются. Однако анализ ч. 1 ст. 20 УПК РФ, регламентирующей *виды уголовного преследования*, демонстрирует иной подход законодателя к этому вопросу: в его понимании, «в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления *уголовное преследование*, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и *частном порядке*». Следовательно, деятельность частного обвинителя, по замыслу законодателя, также охватывается понятием «уголовное преследование». А обращение к правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что высший орган конституционного

нормоконтроля признает за потерпевшим не только «право на участие в уголовном преследовании», но и активную реализацию самого преследования: «При этом потерпевший, будучи частным обвинителем и *самостоятельно осуществляя уголовное преследование*, вправе отказаться от его начала и продолжения»³. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации подтверждает, что у государственных органов отсутствует монополия на уголовное преследование, что, несмотря на публичный характер уголовного судопроизводства, частная инициатива в нем тоже уместна.

Очень категорично формулирует свое отношение к уголовному преследованию М. П. Бобылев, утверждая, что *единственной функцией следователя является именно уголовное преследование*, которое предстает как совокупность трех составных частей: обвинения, расследования и в некоторых случаях – разрешения уголовного дела [32, с. 14].

Широкий взгляд на сущность уголовного преследования находим в у С. Д. Шестаковой, которая в 1998 г. справедливо отмечала, что «нельзя ограничиваться понятием функции обвинения, а следует говорить о более широком по содержанию направлении уголовно-процессуальной деятельности» – о функции уголовного преследования, под которой она подразумевает «направление уголовно-процессуальной деятельности по раскрытию преступлений, выявлению лиц, виновных в их совершении, и изобличению этих лиц в целях

³ По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 17. Ст. 3044.

применения к ним уголовного закона» [33].

Эта позиция созвучна высказанному еще в 1979 г. мнению В. С. Зеленецкого, что обвинение предстает в качестве частной функции в структуре общесистемной функции уголовного преследования, которая последовательно реализуется и в досудебном производстве в виде следственного обвинения, и в судебных стадиях в виде государственного обвинения [34, с. 23].

Подытоживая этот раздел дискуссии, можем констатировать, что *уголовное преследование* в вышеприведенных суждениях уважаемых ученых *наделяется всеми признаками уголовно-процессуальных функций* (основное направление уголовно-процессуальной деятельности осуществляется представителями определенной стороны, в ней раскрывается ролевое предназначение носителя этой функции), что позволяет причислить ее к таковым.

Безусловно, данное утверждение может вызвать критическую оценку по той причине, что ст. 15 УПК РФ не упоминает среди уголовно-процессуальных функций, обеспечивающих работу «состязательной модели», уголовное преследование. Здесь уместно привести позицию Ф. М. Ягофарова, который в 2003 г. утверждал, что «единственной целью разделения уголовно-процессуальных функций и их размежевания между собой является *обеспечение состязательности уголовного судопроизводства*. Думается, что для осуществления уголовного судопроизводства на основе состязательных начал необходимым и одновременно достаточным является выделение трех процессуальных функций: *обвинение, защита и разрешение дела*» [29]. Т. е. указанный автор объяснял самоценность трехчленной концепции уголовно-процессуальных функций исключительно целями обеспечения работы механизма реализации принципа состязательности сторон.

Уже после него, в 2012 г., В. М. Борзов дополнил концепт Ф. М. Ягофарова утверждением, что «если функции – это определенный класс явлений, то их всех объединяет в первую очередь то, что они выступают своеобразными проводниками состязательности... Уголовно-процессуальные функции есть зеркальное отражение такого существенного свойства уголовного судопроизводства, как состязательность» [13, с. 65].

Это подводит нас к выводу о том, что сфера применения категории «обвинение» в смысле *основной уголовно-процессуальной функции* ограничена именно пределами реализации принципа состязательности сторон, и что только в этой сфере применения данный термин означает основную уголовно-процессуальную функцию. В ином контексте обвинение несет другую смысловую нагрузку, в связи с чем его отождествление с уголовным преследованием является неверным, и поэтому п. 45 ст. 5 УПК РФ диссонирует с нормативной концепцией функций, отраженной в ст. 15 УПК РФ. С учетом сказанного полагаем разумной *по факту* (а не по аргументации) идею Р. В. Мазюка об исключении из п. 45 ст. 5 УПК РФ самого упоминания об уголовном преследовании (мы указывали ранее, что действующая формулировка фактически ставит знак равенства между обвинением и уголовным преследованием как функцией). Лексика п. 45 ст. 5 УПК РФ выстраивается в парадигме ст. 15 УПК РФ, следовательно она должна включать в себя только термины, описывающие абстрактную состязательную модель судопроизводства.

Ф. Н. Ягофаров, анализируя употребление категории «обвинение» в тексте УПК РФ, *несколько категорично замечает*, что «если исходить из смысла п. 22 ст. 5 УПК, который гласит, что обвинение – это "утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом...", то можно сделать вывод: обвинение современным законодателем понимается *только*

в материально-правовом смысле» [29]. Применительно к п. 22 ст. 5 УПК РФ это утверждение является справедливым, однако дальнейший анализ даже только дефинитивных норм, размещенных в данной статье, показывает, что законодатель вкладывает в «обвинение» различные *уголовно-процессуальные смыслы*. Так, п. 6 ст. 5 УПК РФ раскрывает понятие государственного обвинителя, осуществляющего одноименную деятельность в суде; в п. 47 перечисляются участники со стороны обвинения, что также отражает уголовно-процессуальную сущность принципа состязательности сторон; в п. 55 формулируется определение уголовного преследования как атрибутивной деятельности представителей стороны обвинения.

Выводы и заключение

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В дореформенной уголовно-процессуальной научной литературе новейшего периода категория «уголовное преследование» использовалась с учетом нормативных реалий, согласно которым в уголовно-процессуальном законе употреблялось только слово «обвинение». Это обстоятельство подготовило почву для закрепления в тексте ст. 15 УПК РФ в системе уголовно-процессуальных функций исключительно термина «обвинение», который в совокупности с двумя другими основными уголовно-процессуальными функциями отражал состязательную модель построения трех-субъектных уголовно-процессуальных отношений с неременным участием суда, разрешающего правовой спор.

2. Термин «обвинение» в контексте ст. 15 УПК РФ обозначает *основную уголовно-процессуальную функцию*, поэтому ***сферу употребления указанного термина следует называть «функционально-состязательной»***. В указанной сфере, с учетом ст. 15 УПК РФ, можно оперировать только категорией «обвинение» как наиболее ярко отражающей

состязательную модель уголовного судопроизводства, как «движущую силу состязательного процесса», порождающую даже функцию защиты в качестве ответной реакции на обвинительную деятельность.

3. Содержание термина «обвинение», согласно трактовке п. 22 ст. 5 УПК РФ, гораздо уже, чем термина «уголовное преследование». В таком употреблении данная категория обозначает результат деятельности по изобличению преследуемого лица в виде утверждения о его виновности в совершении преступления, что позволяет воспринимать *обвинение* как

компонент структуры более сложной и широкой по средствам, формам и срокам осуществления уголовно-процессуальной деятельности – «уголовного преследования», имеющего все признаки уголовно-процессуальной функции. Полагаем возможным назвать *указанную сферу употребления термина «обвинение» – «функционально-структурной»*, отражающей структуру уголовного преследования как уголовно-процессуальной функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев ; науч. ред. Н. С. Алексеев. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 252 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Москва : Статут, 2016. 278 с.
3. *Строгович, М. С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М. М. Гродзинский. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.
4. *Чельцов, М. А.* Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 624 с.
5. *Чельцов, М. А.* Советский уголовный процесс : учебник / 2-е изд., перераб. М. : Госюриздат, 1951. 511 с.
6. *Рахунов, Р. Д.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1954. 88 с.
7. *Кукаров, А. С.* Об уголовном преследовании [К обсуждению проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик] // Советское государство и право. 1958. С. 106–107.
8. *Мазюк, Р. В.* Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. 79 с.
9. *Даев, В. Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности в советском уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 1. С. 48–72.
10. *Мотовиловкер, Я. О.* Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль : М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Яросл. гос. ун-т, 1976. 94 с.
11. *Кириллова, Н. П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. 52 с.
12. *Берова, Д. М.* Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 48 с.
13. *Бозров, В. М.* Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография. Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 96 с.

14. *Гринюк, Е. Н., Зайцева, Е. А.* Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2013. 212 с.
15. *Гринюк, Е. Н.* Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 280 с.
16. *Зайцева, Е. А.* Понятие принципа состязательности сторон и его соотношение с состязательными началами уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. 2005. № 3. С. 249–258.
17. *Смирнов, А. В.* Модели уголовного процесса. СПб. : Наука, ООО «Издательство «Альфа», 2000. 224 с.
18. *Ларин, А. М., Мельников, Э. Б., Савицкий, В. М.* Уголовный процесс России. Лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. М. : Изд-во БЕК, 1997. 314 с.
19. *Фаткуллин, Ф. Н.* Изменение обвинения. М. : Юрид. лит., 1971. 164 с.
20. *Мизулина, Е. Б.* Уголовный процесс: Концепция самоограничения государства. Тарту : ТУ, 1991. 147 с.
21. *Григоренко, И. И.* Механизм реализации уголовного преследования в российском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 26 с.
22. *Строгович, М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 470 с.
23. *Горлова, С. В.* Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 20 с.
24. *Зайцева, Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. В 2 т. М., 2008. 741 с.
25. *Шишкина, Е. В.* Институт уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 19 с.
26. *Машовец, А. О.* Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 184 с.
27. *Божьев, В. П.* Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3–6.
28. *Михайловская, И. Б.* Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.
29. *Ягофаров, Ф. М.* Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. 149 с.
30. *Мазюк, Р. В.* Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 23 с.
31. *Аширбекова, М. Т.* Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. 485 с.
32. *Бобылев, М. П.* Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. 23 с.
33. *Шестакова, С. Д.* Проблемы состязательности в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 184 с.
34. *Зеленецкий, В. С.* Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков : Вища школа, 1979. 144 с.

REFERENCES

1. *Alekseyev N. S., Dayev V. G., Kokorev L. D., Scientific ed. by Alekseyev N.S.* Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnogogo processa [Essay on development of science of the Soviet criminal procedure]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh University, 1980, 252 pp. (in Russian).
2. *Golovko L. V. (by ed.)* Kurs ugolovnogogo processa [Course in criminal procedure]. Moscow: Statute, 2016, 278 pp. (in Russian).
3. *Strogovich, M. S.* Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom processe [Criminal prosecution in the Soviet criminal proceedings Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom processe]. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951, 191 pp. (in Russian).
4. *Cheltsov, M. A.* Ugolovnyj process [Criminal procedure]. M.: Legal Publishing house of the Ministry of Justice of the USSR, 1948, 624 pp. (in Russian).
5. *Cheltsov, M. A.* Sovetskij ugolovnyj process: uchebnyk. 2-e izd. [Soviet criminal procedure: textbook]. M.: Gosyurizdat, 1951, 511 pp. (in Russian).
6. *Rakhunov, R. D.* Vozbuzhdenie ugolovnogogo dela v sovetskom ugolovnom processe [Initiating a criminal case in the Soviet criminal proceedings]. M.: Gosyurizdat, 1954, 88 pp. (in Russian).
7. *Kukarov, A. S.* Ob ugolovnom presledovanii [K obsuzhdeniyu proekta Osnov ugolovnogogo sudoproizvodstva Soyuzna SSR i soyuznyh respublik] [On criminal prosecution [To discuss the draft Fundamentals of the Criminal Proceedings of the USSR and Union Republics]]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law. 1958, pp. 106-107. (in Russian).
8. *Mazyuk, R. V.* ozniknovenie, stanovlenie i razvitie ponyatiya «ugo-lovnoe presledovanie» v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [Emergence, formation and development of the concept of «criminal prosecution» in Russian criminal proceedings]. Irkutsk: BGUEP Publishing House, 2007, 79 pp. (in Russian).
9. *Dayev, V. G.* Processual'nye funkcii i princip sostyazatel'nosti v sovetskom ugolovnom processe [Procedural functions and adversarial principle in the Soviet criminal proceedings]. Pravovedenie – Jurisprudence. 1974, no 1, pp. 48-72. (in Russian).
10. *Motovilovker, Ya. O.* Osnovnye ugolovno-processual'nye funkcii. Yaroslavl': M-vo vyssh. i sred. spec. obrazovaniya RSFSR [Basic criminal procedure functions]. Yaroslavl: Institute of higher education and secondary professional education of the RSFSR. Yaroslavl State University, 1976, 94 p. (in Russian).
11. *Kirillova, N. P.* Processual'nye funkcii professional'nyh uchastnikov sostyazatel'nogo sudebnogo razbiratel'stva ugolovnyh del v sude pervoj instancii: avtoref. dis. [Procedural functions of professional participants in adversarial proceedings of the criminal cases in the court of first instance: author's abstract of dissertation of candidate of juridical sciences]. Saint-Petersburg, 2008, 52 pp. (in Russian).
12. *Berova, D. M.* Osnovy teorii funkcionalizma v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. [Fundamentals of the theory of functionalism in criminal proceedings: author's abstract of dissertation of candidate of juridical sciences]. Rostov-on-Don, 2011, 48 pp. (in Russian).
13. *Bozrov, V. M.* Osnovy teorii ugolovno-processual'nyh funkcij. Obshchaya chast'[Fundamentals of the theory of criminal procedure functions. General part]. Yekaterinburg: «Ural State Law Academy» Publishing House, 2012, 96 pp. (in Russian).

14. Grinyuk, Ye. N., Zaitseva, Ye. A. Rol' prokurora v obespechenii prav uchastnikov dosudebnogo proizvodstva po ugovnym delam [The role of the prosecutor in ensuring the rights of participants in pre-trial proceedings in criminal cases]. Volgograd: The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2013, 212 pp. (in Russian).

15. Grinyuk, Ye. N. Rol' prokurora v obespechenii prav uchastnikov ugovnogo processa na dosudebnyh stadiyah: dis. ... kand. yurid. nauk. [The role of the prosecutor in ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the pre-trial stages: dissertation of candidate of juridical sciences]. Volgograd, 2018, 280 pp. (in Russian).

16. Zaitseva, E. A. Ponyatie principa sostyazatel'nosti storon i ego sootnoshenie s sostyazatel'nymi nachalami ugovnogo sudoproizvodstva [Concept of the adversarial principle of the parties and its relationship with the principle of controversy of criminal proceedings]. Chernye dyry v Rossijskom zakonodatel'stve – Black holes in the Russian legislation. 2005, no 3, pp. 249-258. (in Russian).

17. Smirnov, A. V. Modeli ugovnogo processa [Models of criminal proceedings]. Saint-Petersburg: Science, LLC Publishing House «Alfa», 2000, 224 p. (in Russian).

18. Larin, A. M., Melnikov, E. B., Savitsky, V. M. Ugolovnyj process Rossii. Lekcii-ocherki [Criminal proceedings of Russia. Lectures and essays]. M.: BEK Publishing house, 1997, 314 pp. (in Russian).

19. Fatkullin, F. N. Izmenenie obvineniya [Change of accusation]. M.: Legal literature, 1971, 164 pp. (in Russian).

20. Mizulina, Ye. B. Ugolovnyj process: Konceptiya samoogranicheniya gosudarstva [Criminal procedure: Concept of self-restraint of the state]. Tartu: TU, 1991, 147 pp. (in Russian).

21. Grigorenko, I. I. Mekhanizm realizacii ugovnogo presledovaniya v rossijskom sudoproizvodstve: avtoref. ... kand. yurid. nauk. [Mechanism to implement criminal prosecution in the Russian legal proceedings: author's abstract of dissertation of candidate of juridical sciences]. Voronezh, 2006. 26 p. (in Russian).

22. Strogovich, M. S. Kurs sovetskogo ugovnogo processa [Course of the Soviet criminal process. Vol. 1]. M. S. Strogovich; the USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law. M.: Nauka, 1968, 470 pp. (in Russian).

23. Gorlova, S. V. Ugolovnoe presledovanie kak proyavlenie publichnosti v ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Criminal prosecution as a manifestation of publicity in criminal proceedings: author's abstract of dissertation of candidate of juridical sciences]. Chelyabinsk, 2006. 20 pp. (in Russian).

24. Zaitseva, E. A. Konceptiya razvitiya instituta sudebnoj ekspertizy v usloviyah sostyazatel'nogo ugovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. Nauk [Concept of development of the institute of forensic examination in conditions of adversarial criminal proceedings: dissertation of Doctor of juridical sciences]. M., 2008, 741 pp. (in Russian).

25. Shishkina, Ye. V. Institut ugovnogo presledovaniya: avtore. dis. ... kand. yurid. nauk [Institute of Criminal Prosecution: author's abstract of dissertation of candidate of juridical sciences]. Volgograd, 2008, 19 pp. (in Russian).

26. Mashovets, A. O. Princip sostyazatel'nosti i ego realizaciya v predvaritel'nom sledstvii: dis. ... k. yu. n. [Adversarial principle and its implementation in the preliminary investigation: dissertation of candidate of juridical sciences]. Yekaterinburg, 1994, 184 pp. (in Russian).

27. *Bozhyev, V. P.* Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii [Adversarial principle at preliminary investigation]. *Zakonnost'. Legality.* 2004, no. 1, pp. 3-6. (in Russian).

28. *Mikhailovskaya, I.* Prava lichnosti – novyj prioritet Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Personal rights - a new priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossijskaya yusticiya. Russian Justice.* 2002, no. 7, pp. 2-4. (in Russian).

29. *Yagofarov, F. M.* Mekhanizm realizacii funkcii obvineniya pri ras-smotrenii dela sudom pervoj instancii: dis. ... kand. jurid. nauk. [The mechanism to implement the function of the prosecution while trying a case by the court of first instance: dissertation of Candidate of Juridical Sciences]. Orenburg, 2003. 149 pp. (in Russian).

30. *Mazyuk, R. V.* Ugolovnoe presledovanie v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Criminal prosecution in the Russian criminal proceedings: author's abstract of dissertation of candidate of juridical sciences]. Irkutsk, 2007, 23 p. (in Russian).

31. *Ashirbekova, M. T.* Princip publichnosti ugolovnogo sudoproizvodstva: ponyatie, sodержanie i predely dejstviya: dis. ... d-ra jurid. nauk. [The principle of publicity of criminal proceedings: concept, content and scope of validity: dissertation of candidate of juridical sciences]. Volgograd, 2009, 485 pp. (in Russian).

32. *Bobylyev, M. P.* Obvinenie kak predmet ugolovnogo pravosudiya v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Accusation as a subject of criminal justice in the modern Russia: author's abstract of dissertation of candidate of juridical sciences]. Ufa, 2004. 23 pp. (in Russian).

33. *Shestakova, S. D.* Problemy sostyazatel'nosti v rossijskom ugolovnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. [Problems of adversarial principle in the Russian criminal proceedings: dissertation of candidate of juridical sciences]. Saint-Petersburg, 1998. 184 pp. (in Russian).

34. *Zelenetsky, V. S.* Vozbuzhdenie gosudarstvennogo obvineniya v sovetskom ugolovnom processe. [Initiating state prosecution in the Soviet criminal proceedings]. Kharkov: Vishcha School, 1979. 144 pp. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарь Мария Михайловна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Волгоградская академия МВД России. 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya M. Bondar', Senior Lecturer of the Department of Criminal Proceedings. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 130, Istoricheskaya st., Volgograd, Russian Federation, 400075.